ЛЕГЕНДА О ПОДКИНЕ ОДНОУХОМ

КИРАН ЛАРВУД

Пять королевств

Киран Ларвуд

Легенда о Подкине Одноухом

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)

Ларвуд К.

Легенда о Подкине Одноухом / К. Ларвуд — «Издательство АСТ», 2016 — (Пять королевств)

ISBN 978-5-17-114750-1

Белоснежное одеяло покрывает широкие склоны холмов, известных как Острый хребет. Шурх-шорх. Шурх-шорх. Кто-то бредет по глубокому снегу, и звук тяжелых шагов далеко разносится в ночной тиши. В канун Куманельника, праздника зимнего солнцестояния, в нору под названием Торнвуд пришел бард. У него на плечах была только истрепавшаяся в странствиях одежда, а в голове бессчетные сказания. И одно из них он приготовил для любопытных крольчат, которые притихли у очага в предвкушении рассказа. Это история о Подкине Одноухом – кролике, ставшем таким великим, что о храбрости его вот уже многие века складывают легенды. Начинается она в заснеженном лесу, когда он, его сестра Паз и братишка Пик, оставшись без крова и родителей, бегут от самого жестокого врага в их землях. Избалованному и рассеянному Подкину предстоит собраться с духом, стать вождем и защитить свою семью.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-114750-1

© Ларвуд К., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава первая. Бард для Куманельника 6
Глава вторая. Худший Куманельник в истории 9
Глава третья. Звёздный коготь 14
Глава четвёртая. Поберегись! 17
Глава пятая. Красноводная 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Киран Ларвуд
Легенда о Подкине Одноухом

Kieran Larwood
The Five Realms. The Legend of Podkin One-Ear

Text © Kieran Larwood, 2016
Illustrations © David Wyatt, 2016
The right of Kieran Larwood and David Wyatt to be identified as author and illustrator of this work respectively has been asserted in accordance with Section 77 of the Copyright, Designs and Patents Act 1988
© Колябина Е. И., перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Для Амели

Глава первая. Бард для Куманельника

Шурх-шорх. Шурх-шорх. Кто-то бредёт по глубокому снегу, и звук тяжёлых шагов далеко разносится в ночной тиши.

Пушистое белое одеяло укрыло цепь холмов, известную как Острый хребет. Лунный свет танцует на снежной глади, вспыхивая то тут, то там облаком искр, словно кто-то припорошил пейзаж бриллиантовой пылью. Ничто не нарушает его безмолвного великолепия – ничто, кроме цепочки следов, бегущей от холмов к спящему лесу в долине.

Шурх-шорх, шурх-шорх – сминают снег шаги того, кто прокладывает путь в ночи. Усталость давит ему на плечи, а длинный посох помогает брести через сугробы. Его можно принять за старика, но вот уже многие сотни лун на эти земли не ступала нога человека. Присмотрись – и ты увидишь, что перед тобой кролик, идущий на задних лапах, как некогда ходили люди; уши его скрыты под тяжёлым кожаным капюшоном, зорко вглядываются в застывший полночный мир хмурые глаза.

Густой мех на морде и лапах покрыт причудливыми синими узорами. Они выдают в нём барда – скитальца, у которого на плечах только истрепавшаяся в странствиях одежда, а в голове бессчётные сказания и песни, старые и новые, крепко сшитые и залатанные. Он хранит в своей памяти все истории, что ты когда-либо слышал – и ещё больше тех, что тебе только предстоит услышать.

Не тревожься, в эту морозную ночь он не останется без крова. Благодаря своему ремеслу бард – желанный гость в любой норе. Таков обычай и закон во всех Пяти королевствах Ланики, и горе тому, кто посмеет его нарушить.

Шурх-шорх, шурх-шорх. Из-под капюшона вырываются белые облачка пара. Навостри ушки – и услышишь, как кролик-бард сопровождает проклятиями каждый увязающий в снегу шаг. Тихо щёлкают пригревшиеся у него на груди деревянные бусины. Негромко вторят им закреплённые на поясе подвески и кошели.

Бард не останавливается ни на миг, словно опаздывает куда-то. Но куда? До самого горизонта лишь белеет снег и темнеют деревья. Впрочем, не стоит забывать, что речь идёт о кролике, а кролики живут под землёй, в тёплых норах, надёжно укрытых от льда и холода зимней ночи.

Так и есть. Наш бард бредёт через лес к тяжёлым дубовым дверям у подножия холма. За ними лежит нора Торнвуд, и хорошо бы её обитателям встретить барда с распростёртыми объятиями, иначе быть беде.

Бум, бум, бум! Он ударяет посохом о дверь и ждёт ответа.

В стародавние времена, когда кролики были крохотными и боялись собственной тени, они жили в узких тёмных лабиринтах, но за минувшие века их норы превратились в настоящие подземные города, скрытые от чужих глаз.

Бард знает, что там, за крепкими дубовыми дверями, прячутся уютные домашние норы и шумные рынки, мастерские и храмы, библиотеки и кладовые с припасами, а также дюжины кухонь, необходимых, чтобы прокормить местных жителей. Там его ждут солдаты и лекари, слуги и повара, кузнецы и ткачи, портные, гончары и художники. Старые кролики, юные кролики, бедные кролики и знатные кролики. Кроличья жизнь во всём её многообразии кипит в освещённых факелами туннелях. А сердце каждого подземного города – огромная пиршественная пещера с ревущим очагом и длинными рядами столов, где почти всегда звучит музыка, потому что кролики любят песни, гомон и веселье. Особенно в канун Куманельника, праздника зимнего солнцестояния, когда таинственный Полночный кролик приносит всем подарки.

Но какой же Куманельник без удивительных историй, рассказанных странствующим бардом? И бард непременно поведает их – если, конечно, его удосужатся впустить! *Бум, бум!* Он снова стучит в дверь и уже заносит посох в третий раз, когда из норы доносится приглушённое бормотание:

– Ладно, ладно, расшумелся. Иду я! – Кажется, неизвестный привратник добавляет пару нелестных замечаний о глупых кроликах, которым не сидится дома в такую ночь, но слова вязнут в толстых дубовых досках. Наконец двери со скрипом отворяются, на снег проливается факельный свет, и дюжий кролик-солдат высовывается из норы.

– Во имя Богини, а ты ещё кто такой? – бурчит он, оглядывая незнакомца.

В ответ из-под капюшона грозно сверкают бледно-зелёные глаза.

– Значит, вот как в Торнвуде встречают барда, который пришёл рассказывать сказки в канун Куманельника? Вот как здесь чтут обычаи и законы?

И хотя кролик-солдат похож на закованный в латы валун, от слов барда его охватывает мелкая дрожь.

– Простите, господин, – лепечет он и плечом распахивает дверь. – Прошу, входите и разделите с нами тепло очага в Ночь посредине зимы…

– Ночь *середины* зимы, репоголовый, – сердито поправляет его бард и заходит внутрь. Тяжёлые двери закрываются, и он отряхивает снег с плаща на чистый мощёный пол. – В какой там стороне очаг? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, решительно устремляется вперёд, словно бывал здесь сотни раз.

– Ночь середины зимы репоголовых – это ещё что такое? – озадаченно бормочет стражник и, спохватившись, спешит вслед за бардом.

* * *

Как все норы и отнорки выстраиваются вокруг главной пещеры, так и все кролики в подземном городе объединяются вокруг вождя. Он – глава племени, каким был его отец до него и каким его сын станет после. Вождь с супругой принимают все важные решения в норе, улаживают споры и устраивают праздники.

В Торнвуде всем заправляет Хьюберт Широкий, могучий вислоухий кролик. На его громадном животе легко поместится целый дом! Сейчас он сидит на троне во главе пиршественного стола, положив уши на колени. На голове его красуется корона из куманики, а туника на необъятном пятнистом пузе того и гляди затрещит по швам. Хьюберт поёт развесёлую песню о том, как Полночный кролик застрял в норе, и маленькие крольчата покатываются со смеху у его ног. Когда в зале появляется бард, Хьюберт обрывает пение, встаёт и поднимает ему навстречу рог, полный вина.

– Приветствую тебя, бард! – кричит он так громко, что комья земли сыплются с потолка пещеры. – Приветствую в канун Куманельника!

– Так-то лучше, – ворчит бард, распахивая тяжёлый кожаный плащ. Капюшон остаётся у него на голове, но теперь отблески пламени танцуют на причудливых синих завитках, покрывающих лапы сказителя.

– Мы уж думали, ты не придёшь, – говорит Хьюберт. – Но канун Куманельника полон сюрпризов! Споёшь ли ты нам в обмен на ужин?

– Мой голос слишком стар и скрипуч для песен, – усмехается бард, присаживаясь к очагу и протягивая к огню озябшие пальцы. – Но, может статься, вы уговорите меня поведать вам одну-две истории…

– Еды сказителю! Быстрее, быстрее! – кричит Хьюберт и машет ушами своим виночерпиям[1]. Те срываются с места, чтобы вскоре вернуться с миской маслянистого супа из репы и тарелкой кукурузного хлеба. Бард вцепляется в угощение так, будто давно не ел досыта, и, проглотив всё до последней капли, вытирает рот лапой.

– Такой ужин заслуживает сказки, – произносит он, довольно щурясь. – Что бы вам рассказать?..

Крольчата кидаются к нему, наперебой выкрикивая:

– Расскажи про Беокрольфа!

– Про кроликов Круглого стола!

– Про Подкина Одноухого!

– Я не ослышался? Кто-то упомянул Подкина Одноухого? – спрашивает бард, поудобнее устраиваясь в кресле. – Подкина – Рогатого короля? Лунного следопыта? Подкина с волшебным клинком?

Крольчата радостно кивают, попискивая от волнения, а бард складывает лапы на груди и задумчиво дёргает себя за бороду.

– Я знаю о нём немало историй, но таких вы ещё не слышали. Я не буду рассказывать вам о том, как он зажигал огонь взглядом или голыми руками побеждал кроликов-гигантов. Нет, такого вы от меня не услышите.

– А какие истории ты знаешь? О чём расскажешь? Почему не будет про огненный взгляд и гигантов?

– Мои истории другие, – неторопливо отвечает бард. – Потому что они – правда, от первого до последнего слова. И потому, что огонь взглядом зажигают только в сказках – и в фантазиях маленьких глупых кроликов.

Взмахом лапы бард призывает зал к молчанию – и начинает свой рассказ.

[1] *Виночерпий* – в старину: человек, подносивший напитки на пиру.

Глава вторая. Худший Куманельник в истории

Пожиралы. Пожалуй, сперва стоит рассказать вам о них.

В наши дни, хвала Богине, о Пожиралах остались лишь дурные воспоминания. Ими пугают непослушных крольчат, если те расшалятся. Но когда ваши бабушки и дедушки были молодыми кроликами, они жили в постоянном страхе перед этими жуткими всадниками, перед скрежетом железа в ночи и воем боевых рогов.

Пожиралы.

Никто в точности не знает, откуда они взялись. Поговаривают, что впервые их увидели у маленькой норы, именуемой Песчаным колодцем, – в северном Эндерби, где Красная река впадает в море.

Когда-то там проживало племя пушистых серых кроликов. Смирные и кроткие, они любили рыбачить и были искусными корабелами[2]. Никому они не причиняли хлопот и никто не обращал на них внимания. Но однажды всё изменилось.

Одни говорят, что вода в реке отравила их кровь. Другие – что они слишком глубоко зарылись в землю и разбудили древнее проклятие. Третьи винят во всём ведьм. Как бы то ни было, за какую-то ночь серые кролики из Песчаного колодца превратились в страшных злобных чудовищ.

Их нора тоже изменилась – ощетинилась металлическими шипами, которые вылезли из стен, словно ядовитые иглы дикобраза. Земля вокруг почернела и обуглилась. Красная река подле норы потемнела и стала источать зловоние. Звери, жившие в её водах и лесах окрест, либо умерли, либо навсегда утратили свой изначальный облик. Теперь прочие кролики называли Песчаный колодец Оскольчатым холмом – и старались держаться от него подальше. К несчастью, это их не спасло, потому что серые кролики вылезли из норы, с головы до ног закованные в железо. А ведь ушастый народ издревле остерегался этого металла, ядовитого для самой Богини!

Но кролики Песчаного колодца не просто плавили и ковали железо – они сроднились с ним, как будто оно проросло им под кожу, проникло в кровь, и глаза кроликов стали ржавокрасными. С помощью железа они изменили и других животных – тупоголовых гигантских крыс, которых использовали для перевозки грузов, и чёрных ворон из близлежащих лесов. Теперь в небе натужно скрипели стаи ржавых гарпий.

Когда серые кролики вырвались из Оскольчатого холма, то бросились истреблять всё вокруг, за что их и прозвали Пожиралами. Если они подступали к дверям норы, участь её обитателей была предрешена. Пожиралы убивали вождя и его сыновей, рвали на куски солдат, а половину племени забирали с собой, чтобы превратить Богиня знает во что. Немногие выжившие влачили жалкое существование, работая на новых господ и поставляя им припасы. Они не знали, когда настанет их черёд сгинуть во мраке.

То были тёмные времена для всего кроличьего рода.

И в те времена жил Подкин Одноухий. Тогда он ещё не победил ни одного великана, не собрал банду разбойников и даже не помышлял о спасении прекрасных дев. В ту пору ему едва минуло восемь лет, а на пушистой макушке красовались оба уха.

Подкин был сыном Лопкина, вождя Манберийской норы. Он знал, что однажды тоже возглавит племя – как когда-то возглавили его отец, и дед, и прадед, и прапрадед… И самый далёкий предок ещё в те дни, когда Богиня создала двенадцать первых племён. Но Подкин считал, что вождём он станет очень нескоро, и старался лишний раз об этом не думать.

---

[2] *Корабелы* – то же, что и кораблестроители.

У него была старшая сестра по имени Паз, которая всячески его опекала и допекала, и младший брат – крольчонок Пик, который всё время либо что-то жевал, либо требовал покормить его супом.

Вы можете вообразить, что даже в столь юном возрасте в Подкине проглядывал будущий герой, что он прекрасно владел мечом, был смел, отважен, решителен и мудр. Но, увы, право слово, во всех Пяти королевствах трудно было отыскать такого же ленивого и избалованного сына вождя! Отец, не жалея сил, готовил Подкина к управлению норой – учил истории, кроличьей письменности и военному делу. Но Подкин преуспел лишь в одном – в искусстве избегать этих занятий. На уроках он старательно практиковался в сладкой дрёме и витании в облаках, чем приводил в отчаяние всех учителей, а в особенности бедного Мелфри, мастера по оружию. Почтенный кролик трижды (если не больше!) подавал в отставку, а юному наследнику не было никакого дела до надежд и чаяний, которые на него возлагали.

И вот, в канун Куманельника – такого же, как этот – Подкин Одноухий (хотя тогда он был ещё Двуухим) сидел на деревянной галерее в главной пещере Манберийской норы. Он лениво катал по полу игрушечную повозку, жевал кусок кукурузной лепёшки, которую умыкнул с кухни, и думал о Полночном кролике. Ведь сегодня он должен был навестить Манбери с мешком, полным подарков! Интересно, Полночный кролик принесёт ему деревянных солдатиков, которых Подкин так просил? А может, игрушечный меч и щит? Или, как в прошлом году, подсунет криво связанную шерстяную тунику?

– Что ты здесь делаешь, Под? – Старшая сестра Подкина поднялась по ступенькам и теперь сердито смотрела на него сверху вниз. Малыш Пик, уютно устроившийся у неё на руках, громко хрустел морковкой. – Мама послала меня за тобой. Скоро подадут суп из репы, и все будут танцевать Куманичный рил. Ты должен сидеть внизу, как и подобает будущему вождю.

Паз тяжело было смириться с тем, что сама она никогда не встанет во главе племени, пусть и родилась раньше Пода. Увы, такова была традиция: справедливо это или нет, но трон наследует старший сын.

Подкин нарочито громко зевнул.

– Куманичный рил. Как интересно. – Он забрал у сестры маленького Пика и пощекотал ему животик. Снизу долетали звуки шумного праздника, но у Подкина не было ни малейшего желания присоединяться к пирующим. – Сделай милость, подвинься, чтобы я сбежал вниз и тоже сплясал. Пусть все узнают, что я грациозен, как пудинг.

– Если не спустишься, у тебя будут неприятности, – пригрозила Паз. – Ты хоть понимаешь, что значит быть вождём? Никто не пойдёт за предводителем, который только и знает, что щекотать младшего брата, играть в игрушки и прятаться по углам.

Подкин надулся и щёлкнул на сестру ушами.

– Ты просто завидуешь, потому что считаешь, что из тебя вождь вышел бы лучше, чем из меня.

– Но ведь так и есть! И все со мной согласятся. – Паз начала загибать пальцы в подтверждение своих слов. – Я старше тебя. Я делаю то, что говорят мама с папой. И хожу на занятия вместо того, чтобы бегать по лугам и собирать ромашки, будто феечка с крысиными мозгами. Была бы на свете хоть какая-то справедливость, трон вождя наследовали бы девочки, а не олухи вроде тебя!

Подкин уже был готов броситься на сестру и хорошенько оттаскать её за уши, когда звучный рёв горна сотряс своды главной пещеры. Кролики кинулись к перилам галереи и уставились вниз. Солдаты хватали щиты и пики, детей разгоняли по укрытиям, а вождь Лопкин решительно направлялся ко входу в пещеру, крепко сжимая свой меч – большой серебряный клинок, который многие считали волшебным.

– Полночный кролик! Полночный кролик! – заверещал Пик, пытаясь вырваться из хватки Подкина.

– Это не Полночный кролик, – шикнул на него Подкин, мигом позабыв о ссоре с сестрой. – Беда пришла! А беда не оставляет подарки у порога.

В толпе внизу шелестели испуганные шепотки:

– Всадник… Скачет одинокий всадник…

А потом:

– Всадник в доспехах… Железных доспехах.

И вдруг шёпот перерос в крик:

– Пожиралы! Сюда идут Пожиралы!

Собравшихся на праздник кроликов охватила паника. Подкин видел, как отец призывает всех к порядку, но голос вождя тонул в испуганных воплях. Обитатели Манбери потеряли голову от ужаса, и сейчас больше, чем когда-либо, нуждались в предводителе. Лопкин набрал полную грудь воздуха и гаркнул:

– Тишина!

Кролики мгновенно застыли. Сотни наполненных страхом глаз обратились к Лопкину, который стоял с занесённым серебряным мечом. Дав тишине настояться, он молвил со всем возможным спокойствием:

– Всё так, к норе приближается всадник в доспехах. Вы не ошиблись, это Пожирала. Но он один, и у него белый флаг. Мы позволим ему войти и послушаем, что он скажет.

Пронзительный скрип тяжёлых дверей докатился до самых дальних отнорков Манбери. Кролики в пиршественной пещере прижались к стенам. Солдаты подняли пики и затаили дыхание. Что-то двигалось к ним по главному проходу.

– Паз, всё ведь будет хорошо? – шёпотом спросил Подкин. Он всегда восхищался своим высоким, могучим отцом. Лопкин казался ему непобедимым – до этого дня.

– Не знаю, Под, – очень тихо ответила Паз. – У отца есть меч…

Взгляд сестры, устремлённый вниз, заставил Подкина по-настоящему испугаться – впервые за всю его короткую жизнь.

Вождь Лопкин выкрикнул в темноту туннеля традиционное приветствие:

– Войди, странник, и раздели с нами тепло очага в канун Куманельника!

Ответом ему стал лязг металла и грохот тяжёлых кожаных башмаков. Всадник спустился со своего скакуна – кем бы ни было это животное – и теперь шагал к пиршественной пещере. Сто пятьдесят кроликов от страха забыли, как дышать.

Затем вновь послышался скрежет. Пик тихонько захныкал. Что-то двигалось в темноте туннеля. Свет факелов из главной пещеры натыкался на металл и оранжевыми всполохами отскакивал назад.

– Входи же! – снова позвал Лопкин. – Мы не причиним тебе вреда!

Скрежет наконец смолк. А в следующий миг из туннеля с оглушительным лязгом выскочил Пожирала – чтобы приземлиться точно перед собравшимися воинами. Кролики Манбери слышали много историй об этих монстрах – но ни одна не могла передать подобной жути.

Существо, явившееся им в канун Куманельника, больше не было кроликом – если вообще когда-то им было. Над толпой возвышался ходячий кусок железа и плоти, увенчанный рогами. Покрытые вмятинами и царапинами доспехи были испещрены ржавчиной и бурыми пятнами, подозрительно напоминавшими кровь.

Голова Пожиралы была целиком скрыта под шлемом, утыканным похожими на осколки шипами. Закрученные железные рога царапали потолок. В тёмных прорезях тускло светились алые зрачки, опутанные паутиной сосудов.

Подкину стало так страшно, что он едва не заплакал. Больше всего кролика пугал чёрный, в зазубринах, меч в лапах Пожиралы. А ещё расписанные зловещими рунами черепа, которые висели у него на поясе. Кроличьи черепа всех форм и размеров, включая детские.

Пожирала обвёл взглядом обитателей норы и остановился на Лопкине.

– Мне не нужен ваш очаг, – раздался голос из-под железного шлема. В нём звучал гулкий холод металла и бессердечность убийцы. – Я пришёл сказать, что эта нора отныне принадлежит мне. И твой волшебный клинок я тоже заберу.

Напуганные, но отважные кролики вмиг ощетинились пиками, устремив их в грудь чужаку. Пожирала склонил голову к плечу, словно ему вдруг стало любопытно, и трижды ударил чёрным мечом об пол.

Из глубины земли донёсся ответный грохот. Пещера задрожала, по полу зазмеились трещины, и кролики Манбери кинулись врассыпную. Плитка вспучилась, столы и скамьи полетели в стороны, и на поверхность полезли Пожиралы. Онемев от ужаса, кролики смотрели, как они вырастают из-под земли, и грязь осыпается с шипастых наплечников. Пять, десять, пятнадцать – Пожирал становилось всё больше; все они были закованы в железные доспехи и сжимали в лапах мечи или боевые топоры.

– Теперь это наша нора, – прогрохотал тот, что пришёл первым, и голос его был подобен скрежету металла. – Мы убьём любого, кто нам воспротивится. Так говорит предводитель Пожирал.

– Скрамашанк, – процедил вождь Лопкин. Имя главного Пожиралы было хорошо известно остальным кроликам – его одного хватало, чтобы шерсть на загривке поднималась дыбом.

Лопкин покрепче перехватил серебряный меч и встал в боевую стойку.

– Скрамашанк, оставь мой народ в покое. Решим всё один на один.

– Эти кролики – больше не твой народ, – рассмеялся Скрамашанк, словно услышал на редкость удачную шутку. – Теперь они Пожиралы. Или скоро ими станут. Как только ты умрёшь.

Скрамашанк резко взмахнул мечом, намереваясь разрубить Лопкина пополам, но вождь Манбери успел заслониться серебряным клинком, и мечи столкнулись с громким лязгом, осыпав зал снопом искр.

– Отец! – закричали Подкин и Паз. Малыш Пик зарыдал в голос.

Они успели увидеть, как отец метнул короткий взгляд в их сторону, а Скрамашанк занёс меч для следующего удара, когда кто-то резко дёрнул их назад, вглубь галереи.

Крольчата завизжали от ужаса, думая, что за ними пришли Пожиралы, но позади стояла их тётушка Олвин. Мех на её мордочке промок от слёз, но губы были решительно сжаты.

– Вы трое – за мной, – скомандовала она и потянула их к лестнице.

– Но отец… – начал было Подкин.

– Не думай о нём, – перебила Олвин. – Он сам о себе позаботится. – Она уже тащила племянников по ступенькам вниз. – Вы должны уйти прежде, чем вас схватят Пожиралы.

Тётушка Олвин была очень сильной крольчихой, и вывернуться из её цепких лап было не так-то просто. Поэтому, хотя за спиной у них раздавались крики и звон металла, маленькие кролики послушно бежали за тётей по Манберийским туннелям. Миновав немало развилок, они оказались перед родительской спальней.

– Сюда, скорее, – прошептала тётушка Олвин, заталкивая их внутрь. Затем она заперла дверь и кинулась искать что-то под кроватью.

– Тётя, что ты делаешь? Мы должны вернуться и помочь отцу!

– Вы ему ничем не поможете. Скоро он, благослови его Богиня, отправится в Земли по ту сторону, – едва слышно ответила тётушка Олвин. Наконец она встала, прижимая к груди что-то длинное, тонкое и завёрнутое в ткань.

– Отец сказал отдать это тебе, если с ним что-нибудь случится. – Олвин вручила свёрток Подкину. – А мать велела привести вас сюда, если нора падёт.

– В спальню? – Паз смотрела на тётушку так, будто та сошла с ума. Подкин осторожно сдвинул ткань в сторону и увидел медный клинок, потемневший от времени и затупившийся, с грубо вырезанным профилем на эфесе.

– Здесь есть потайной ход. – Тётушка Олвин потянула за столбик кровати и, когда в стене открылась маленькая дверь, торопливо поцеловала детей в лоб. – Бегите. Бегите так быстро, как только можете. Идите в Красноводную нору, там вам помогут. И даже не думайте возвращаться! Забудьте об этом!

– Но как же ты? И мама? – спросил Подкин.

– За нас не волнуйтесь. Всё будет в порядке. А если нет, мы подождём вас в Землях по ту сторону. Помните, дети: ваши родители любят вас. Любят очень сильно.

С этими словами тётушка Олвин втолкнула их в потайной ход и, прежде чем они успели что-нибудь сказать или сделать, закрыла дверь и накрепко её заперла.

Глава третья. Звёздный коготь

Не стану в подробностях рассказывать, как охваченные ужасом крольчата мчались по тёмному туннелю, как, подвывая от страха, выскочили они в заснеженный лес. Ночь захлёбывалась метелью, и крольчата брели прочь от родной норы, шарахаясь от каждой тени и подозревая врага в каждом кусте.

Вам не нужно знать, сколько раз они думали о том, чтобы вернуться и попытаться спасти маму, тётушку и друзей. Или как часто падали на землю, сломленные горем, только для того, чтобы снова подняться и продолжить путь.

Та жуткая ночь осталась в памяти лишь двух крольчат: Пик был, к счастью, слишком мал и запомнил только холод, голод да тоску по маме. А Под и Паз никогда больше не говорили о ней – ни друг с другом, ни с кем-либо ещё.

Вам следует знать только то, что, когда небо на востоке начало светлеть, крольчата, шатаясь от усталости, вышли на просеку и без сил привалились к обледеневшему стволу старого дуба.

– Как думаешь, где мы? – задыхаясь, спросил Подкин. – До Красноводной ещё далеко?

– Откуда мне знать? – ответила Паз. Пик тихо спал, пригревшись у неё под туникой. Ну, хоть одному из них было тепло. – Я потерялась вскоре после того, как мы вышли из потайного хода. Может, если бы ты слушал на уроках географии…

– Ты слушала за нас обоих! – огрызнулся Подкин. – И раз уж даже ты не представляешь, где мы, значит, эти уроки были пустой тратой времени.

Крольчата замолчали, обдумывая своё незавидное положение. Они прекрасно знали, что в такую погоду в лесу долго не протянуть. Мороз погубит тебя, невзирая на тёплый мех, – если прежде не сожрут волки или медведи, не говоря уже о рыщущих в округе Пожиралах.

– Наверное, нам стоит… – начала было Паз, но её прервало хлопанье крыльев над головой. Крольчата вскинулись и увидели большую птицу, летящую над деревьями.

– Просто ворона, – с облегчением выдохнула Паз. – Я уж подумала, что это…

– Не просто ворона, – прошептал Подкин. – Это была одна из них! Ты разве не видела? У неё шипы торчали из перьев. А глаза! Глаза были красные, как у Пожирал.

– Тебе почудилось, Под. После всего, что случилось… ты слегка тронулся умом.

– Нет, я правда видел!

– Но как ворона может быть Пожиралой?

– А ты не помнишь, что говорил отец? – Подкин снова заплакал. Крупные слёзы катились по пушистым щекам и протапливали ямки в снегу. – Пожиралы меняют животных: крыс и ворон. Они превращают их в своих слуг. Ворона заметила нас и теперь расскажет им, где мы.

Слова Подкина не убедили Паз, но рассиживаться всё равно было нельзя. Может, в дороге они увидят что-нибудь, что подскажет им, куда они забрались. Ох, если бы не этот проклятый снег! Из-за него даже знакомые места казались чужими.

Уложив спящего Пика поудобнее, Паз зашагала по просеке, но вскоре обнаружила, что Подкин не спешит за ней. Он сидел, уткнувшись в свёрток, который отдала ему тётушка Олвин.

– Подкин, чего ты ждёшь? Надо идти!

Но Подкин и ухом не повёл.

– Погоди минутку, Паз. Тут что-то есть.

Прошлой ночью у Подкина не нашлось времени толком разглядеть клинок. Он использовал его вместо посоха, чтобы сподручнее было брести через сугробы, и в конце концов даже позабыл о том, что скрыто под тканью. Но теперь, когда в лес просочился призрачный свет утренней зари, Подкину стало любопытно, что же такого особенного в этом мече. Заглянув в свёрток, он обнаружил, что клинок обёрнут пергаментом.

– Смотри, тут послание! – сказал он, протягивая его Паз. – Читай ты. Я не понимаю огам.

Полагаю, вы знаете, что огам – древний письменный язык, который придумали, чтобы помечать дорожные столбы, деревья и верстовые камни[3]. Подкин ленился учить его – как, впрочем, и другие науки – и теперь горько об этом сожалел.

Паз уставилась на кусок пергамента. Губы её беззвучно шевелились, дыхание белым облачком клубилось над головой.

– Это письмо от мамы! – ахнула она.

Мои дорогие! Если вы читаете это письмо, значит, сбылись наши худшие кошмары и в Манбери пришли Пожиралы. Слава Богине, что вам удалось сбежать. Клинок, который вы держите в лапах, – главное сокровище нашей норы. Это волшебный меч, известный под именем Звёздный коготь. Ваш отец внушил всем, что его серебряный меч обладает магической силой, но на самом деле это простой медный палаш[4]. А перед вами – один из Двенадцати даров, которые Богиня преподнесла первым племенам в начале времён. Может, на вид он и невзрачен, но его лезвие способно разрезать всё что угодно. Всё, кроме железа.

Мы знаем, что Пожиралы охотятся за Двенадцатью дарами Богини. Вы должны любой ценой сберечь этот клинок. Теперь это ваша задача.

Бегите, милые мои, бегите как можно дальше! Мы с отцом любим вас так сильно, как вы себе и представить не можете.

Ваша мама

Если бы Паз уже не выплакала все слёзы, то сейчас непременно разрыдалась бы. Но она лишь выпрямилась, вся онемев от горя, и посмотрела на клинок в лапах Подкина. А Подкин только и сказал:

– Какой прок от волшебного меча, который бессилен против железа, если наши враги – чудовища в железных доспехах?

– А ты что собирался делать, гений? Ворваться в Манбери и изрубить Пожирал в капусту?

– Ну, это же волшебный меч, – пожал плечами Подкин.

– Да, но мы с тобой – не герои из легенд. Мы просто дети.

Подкин снова уставился на клинок. Бесполезный кусок металла, но поди ж ты, зачем-то понадобился Пожиралам. А отец отдал за него жизнь… Подкина вдруг охватила такая тоска, что он едва не зашвырнул меч подальше в снег. Только просьба матери остановила его. Встретятся ли они снова? Подкин попытался вспомнить последние мамины слова, вспомнить, когда обнимал её в последний раз – но не смог. Сейчас это казалось Подкину чрезвычайно важным, но он так замёрз, что ничего не соображал.

Бегите, милые мои, бегите как можно дальше. Вот как они должны поступить. Он сбережёт меч ради мамы. Подкин завернул клинок обратно в ткань и поднял глаза на сестру.

– И в какую сторону пойдём? Мы же так и не поняли, куда нас занесло!

– Красноводная находится к северо-востоку от Манбери. Солнце встаёт на востоке. Значит, нам туда.

Подкин не знал, хватит ли у него сил сделать ещё шаг – не говоря уж о том, чтобы пройти весь путь до Красноводной. Пожалуй, он бы поспорил с сестрой, но тут чуткие уши уловили подозрительный звук.

---

[3] *Огамическое письмо* – письменность древних кельтов и пиктов, употреблявшаяся на территории Ирландии и Великобритании в IV–X вв. н. э.

[4] *Палаш* – холодное оружие с широким длинным клинком.

Кролики насторожились. Падающий снег скрадывал шорохи зимнего леса, окутывая его плотной тишиной. С минуту её нарушало лишь посапывание малыша Пика, как вдруг Подкин и Паз снова услышали звук, от которого кровь стыла в жилах – точнее, стыла ещё больше, потому что кролики и так уже почти замёрзли.

Где-то вдалеке, с каждой секундой становясь всё ближе, завывал боевой рог. А за ним сквозь предрассветные сумерки летел лязг железа.

Глава четвёртая. Поберегись!

В чём кролики хороши, так это в искусстве убегать от опасности. Мы овладели им в совершенстве ещё в те времена, когда были беззащитными комками меха, на которые точили зубы все хищники от мала до велика. Учуяв беду, мы молнией бросались в укрытие, чтобы не стать обедом для кого-нибудь с большой пастью и не меньшим аппетитом.

Но Подкин и Паз и так уже набегались за ту невыносимо долгую ночь. Мышцы их горели огнём, мех звенел сосульчатой бахромой. У Паз лапы отваливались тащить малыша Пика, хотя он и был крохотным крольчонком. Поэтому, заслышав Пожирал, они лишь беспомощно заковыляли на северо-восток, – хотя жуткий лязг с каждым ударом сердца становился всё ближе.

Паз с глухим ворчанием передвинула Пика повыше, не обращая внимание на протестующий писк.

– Быстрее, Подкин! – рыкнула она на брата.

– Я и так бегу со всех лап, – задыхаясь, огрызнулся он.

Будь у него силы, он бы продолжил препираться с сестрой, но сейчас все они уходили на то, чтобы переставлять лапы. Крольчата шли вперёд, пока не уткнулись в стену из земли и тесно переплетённых древесных корней. По бокам высились крутые снежные завалы: в панике убегая от Пожирал, крольчата сами не заметили, как забрели в овраг.

За деревьями – уже совсем близко! – скрежетали железные доспехи. Пожиралы могли настигнуть беглецов с минуты на минуту.

Подкин озирался вокруг, глаза его от ужаса стали как плошки.

– Нам конец! – сдавленно прошептал он. – Это тупик! Они загнали нас в западню и теперь убьют, как убили отца.

– Замолчи! Ты пугаешь Пика! – шикнула на него Паз и теснее прижала к себе младшего братца, который похныкивал от страха.

– Но нам отсюда не выбраться! Что ты предлагаешь делать?

Паз на мгновение застыла. Она отказывалась верить, что выхода нет. Обычно Паз здорово соображала в сложных ситуациях, но никогда прежде ей и её семье не грозила смертельная опасность.

– Мама написала, что волшебный клинок разрежет всё, кроме железа, верно? – медленно проговорила она.

Подкин кивнул.

– Отлично.

Паз понимала, что в этой идее изъянов больше, чем гусениц в капусте, но другой у неё не было. Она схватила Подкина и торопливо зашептала, что он должен сделать.

* * *

Полминуты спустя, после отчаянного карабканья по склону, Подкин уже стоял над оврагом, укрывшись за деревом. Дрожащими лапами он развернул ткань и вытащил медный клинок.

Подкин ждал, что металл обожжёт его холодом, ведь стоял лютый мороз, но рукоять была на удивление тёплой. Подкин ощутил в ладони приятное покалывание. Неужели это магия, и этот невзрачный на вид клинок в самом деле может разрезать всё что угодно? Подкин знал лишь, что ощущает в нём силу. Он ничуть не походил на деревянные ученические мечи, которыми кролики фехтовали на скучных занятиях по военному мастерству.

Подкин несколько раз взмахнул клинком. По сути, это был скорее кинжал, но в лапах маленького кролика он смотрелся как короткий меч. Увы, даже с ним Подкин не чувствовал себя воином. И ему уж точно не хватило бы духу выйти против Пожиралы один на один, как вышел его отец. *Отец*. Интересно, там, в Землях по ту сторону, он приглядывает за своими непутёвыми крольчатами? Сможет ли он помочь им – или же будет просто наблюдать, как они гибнут от лап Пожирал? «Сейчас не время для этого», – мысленно одёрнул себя Подкин. У них был план. И Подкин должен был воплотить его в жизнь.

Внизу стояла Паз. Она прижималась спиной к переплетению корней и крепко держала малыша Пика. Вид у неё был изрядно напуганный, в соответствии с их задумкой – так и должна выглядеть приманка в наспех устроенной ловушке.

Из укрытия Подкин отчётливо слышал, как Пожиралы мчатся по лесу на своих скакунах – то были крепкие зверюги в грохочущей броне; их когтистые лапы играючи сминали молодые деревца, крушили ветки и пропахивали глубокие борозды в снегу. Измученные животные тяжело дышали и утробно ворчали; до Подкина доносился скрежет железных пластин, наползавших одна на другую.

Он поднёс рукоять меча к морде и произнёс слова короткой молитвы к Богине. Уже пора? «Нет, – сказал он мысленно. – Сначала надо понаблюдать. Тут важно правильно выбрать время».

Подкин был бы рад никогда больше не видеть Пожирал, но заставил себя высунуться из-за дерева. По следу крольчат скакали двое всадников на гигантских крысах. Точнее, на чудовищах, которые когда-то были крысами – смирными пушистыми зверьками, только и знавшими, что есть да пищать. Эти же выглядели так, словно их собрали из обломков ржавого железа и сплавили в адской кузнице.

Каждый сантиметр их тела был покрыт пластинами покорёженного металла, утыкан шипами и крючьями и разрисован кривыми кроваво-красными рунами. Там, где полагалось быть голове, у перекованных крыс торчали клыкастые, капающие слюной пасти, а в прорезях шлемов горел ржавый огонь зрачков. Они больше не были крысами. Пожиралы искорёжили их кости и плоть, превратив в настоящих монстров. Железных тварей.

Скрипя и дребезжа, крысы шли по следу, оставленному Паз, а их жуткие всадники наклонялись вперёд, скрежеща зубами от голода. Издалека казалось, что они срослись со своими скакунами в невиданное уродливое существо.

А затем раздался голос. Громкий, резкий, он звучал так, будто кто-то рвал в клочья листы тонкой жести.

– Ты! Девчонка! Где твой брат? Где сын вождя?

Подкин услышал, как Паз что-то испуганно лепечет в ответ. Неужели потеряла голову от страха – или, наоборот, заманивает Пожирал в западню? Да, это как раз в духе Паз. В Манбери она без конца изводила брата – придумывала обидные прозвища и устраивала хитроумные розыгрыши. Тогда Подкин ненавидел сестру за коварство и смекалку, но сейчас молча благодарил за них Богиню.

– Отвечай, заморыш!

Теперь голос звучал совсем близко. Стараясь ступать как можно тише, Подкин обошёл дерево и увидел, что жуткие всадники остановились прямо под ним. Он мог разглядеть мельчайшие вмятины и царапины на их доспехах – и почувствовать горячую вонь отдающего железом дыхания.

Пора!

Подкин вспомнил, как его учили рубить деревья – отец не терял надежды, что из наследника всё же выйдет толк. Но Подкин слушал вполуха: где это видано, чтобы сын вождя выполнял грязную работу? Сейчас он жалел об этом, как никогда.

«Там было что-то про подруб…»

Ругая последними словами непослушные окоченевшие лапы, Подкин оторвал глаза от Пожирал и посмотрел на клинок. Лезвие меча затупилось и потускнело от времени, годы испещрили его царапинами и зазубринами. Подкина вновь одолели сомнения, сохранилась ли в клинке хоть капля магии. Скорее всего, меч отскочит от дерева, не оставив на нём и следа. И зачем он только послушал Паз? Глупая была идея.

Подкин сжал зубы и задержал дыхание. Если всадники посмотрят вверх, всё будет кончено. Он должен сделать то, что собирался – и как можно скорее. Подкин приставил лезвие к стволу, под углом к земле, и надавил.

Он почти ждал, что ничего не случится, и потому опешил, когда Звёздный коготь прошёл сквозь столетний дуб, как нож сквозь масло. Подкин чудом остановил клинок, прежде чем он выскочил с другой стороны.

«Так, теперь снизу вверх. Скорее!»

Подкин выдернул меч и снова вонзил в дуб, теперь под другим углом. Мгновение спустя деревянный клин с глухим стуком упал на землю. Всадники внизу продолжали наступать на Паз – а та бормотала, что потеряла брата в метели, – как вдруг всё заглушил долгий протяжный стон. Уши Подкина испуганно задрожали: кролик не сразу понял, что стонет дуб, чей зимний сон он так нахально потревожил. Дерево накренилось и начало падать – сперва медленно, потом всё быстрее и быстрее. Ветки трещали, со свистом рассекая воздух. Пожиралы вскинули головы, распахнули пасти в немом изумлении – и дуб обрушился на них, подняв тучу снежной пыли. Злобный вой взвился над лесом и оборвался.

Когда рой снежинок осел и отголоски воплей стихли, Подкин отважился посмотреть вниз. Старый дуб разломился пополам, наглухо перегородив овраг. Вокруг разметало осколки наста. О всадниках напоминали только куски покорёженных доспехов да темнеющие на снегу потёки ржавой крови.

Интерлюдия

Бард замолкает, смотрит на вождя Хьюберта и нарочито громко причмокивает, всем своим видом выражая желание чего-нибудь выпить. Хьюберт намёк понимает и щёлкает ухом прикорнувшему у трона виночерпию – да так резко, что бедолага от неожиданности опрокидывается навзничь. После чего вскакивает, хватает деревянный кувшин, до краёв наполненный пенным мёдом, и кидается к сказителю. Не обращая внимания на возмущённо галдящих крольчат, бард осушает кувшин тремя долгими глотками и довольно вытирает остатки пены с бороды.

– Ну, что дальше, что дальше? – вопят крольчата. – Расскажи, что случилось с Подкином и Паз?

Но вместо продолжения у барда вырывается звучная отрыжка. Он хмурится, потом рыгает ещё раз.

– Погодите-ка минутку, – бормочет он. – Моё нутро работает уже не так бодро, как в прежние времена. Но, клянусь кочерыжкой, давно я не пробовал столь дивного мёда.

– А Пожиралы существовали на самом деле? – робко спрашивает маленькая крольчишка. – Мой брат говорит, их выдумали, чтобы детей пугать…

– Никто их… бр-р-рык… не выдумал, – отвечает бард. – Прошу прощения.

Он пожирает глазами блюдо с дымящимися – только из печи! – кукурузными лепёшками. Рядом стоит большая плошка репового супа, в котором медленно тает кусочек масла. Но крольчата нетерпеливо притопывают лапками и дёргают ушами – ждать они не намерены.

– А кто-нибудь выяснил, почему кролики превратились в Пожирал? Это ведьмы их заколдовали? – В глазах крольчишки плещется страх: она боится, что Торнвуд постигнет судьба Манбери и незваные гости испортят праздник.

– Может, и ведьмы, – уклончиво отвечает бард. – А может, и что-то другое, куда более жуткое. Мы пока в самом начале истории, и… Ох ты ж морковкин хвост! Зря я так быстро выпил мёд. О чем бишь я?.. Мы пока в самом начале истории, и никто ничего толком не знает. Так что и вам придётся потерпеть.

Бард уже собирается продолжить, но что-то во взгляде крольчишки заставляет его остановиться. Глаза у неё сделались совсем большими, от ужаса разве что не белыми, а в уголках поблёскивают слёзы. Нет, барду, конечно, нравится иногда напустить жути на слушателей – совсем чуть-чуть! – но не в канун же Куманельника! В эту ночь маленькие кролики должны сладко спать в своих кроватках и видеть сны о засахаренных морковках и деревянных игрушках, а не таращиться в потолок, икая от страха.

Бард задумчиво дёргает себя за бороду, потом лезет в кошель на поясе и достаёт древний, много раз сложенный кусок пергамента.

– Послушайте, я обычно так не делаю, но…

– Что у тебя там? – пищат, подпрыгивая от любопытства, кролики. – Что? Покажи!

– Это? – Бард неспешно разворачивает потрёпанный пергамент. – Я нашёл его во время своих странствий. И, как правило, детям не показываю. Особенно если мы застряли посреди истории.

– Ну пожалуйста, прочитай, что там написано! – Крольчатам не терпится услышать что-то тайное, не предназначенное для их маленьких пушистых ушек.

– Это история, записанная со слов старого кролика, которого я встретил далеко к востоку отсюда, в Хюльстланде. – Бард разглаживает затёртый на сгибах пергамент и проводит пальцем по рядам убористых рун – то ли выжженных, то ли записанных чернилами. Крольчата, сталкиваясь лбами, тянутся посмотреть, хотя читать никто из них ещё не умеет.

– А о чём эта история? О Пожиралах? О том, откуда они взялись?

– Ревень и редиска, до чего ж вы шумные! Да. Здесь написано, как появились Пожиралы. Эту историю поведал мне кролик, который видел всё своими глазами. И я вам её прочитаю, если обещаете потом напомнить, где мы остановились. Договорились?

Крольчата громко кричат, что обязательно напомнят, и бард усмехается в усы. Потом кивает, машет крольчатам, чтобы они угомонились, пристраивает пергамент на колене и приступает к чтению.

Моё имя – Ауна. Я очень стар – в Хюльстланде таких, как я, называют «длинный зуб», – но когда-то я был маленьким серым кроликом, родившимся на северном побережье Эндерби, в местечке под названием Песчаный колодец. То была скромная нора, в которой жили скромные кролики-рыбаки.

Теперь эта нора носит другое имя, а её обитатели больше не ловят рыбу. Все зовут их Пожиралами, и они творят такое, что при одном упоминании о них у кроликов дрожат уши и мех встаёт дыбом. Но жители Песчаного колодца не всегда были чудовищами. И потому я хочу поведать тебе свою историю – чтобы другие могли чему-то научиться. Чтобы ни одна нора не повторила судьбу моей родной норы.

Когда я был крольчонком, мы жили счастливо и беззаботно. Сразу за порогом начинался песчаный пляж, и мы часами скакали по дюнам и плескались на отмелях. Когда я думаю о тех временах, то вспоминаю лишь бьющее в глаза солнце, песок между пальцев и застывшую на шерсти соль. Чудесные были деньки.

Нашим вождём был низкорослый кролик по имени Крама. Крама Осторожный, так его звали, ибо он в жизни не принял ни одного решения, прежде не обдумав его раз сто, если не больше. Он вечно колебался, сомневался и откладывал дела в долгий ящик, пока не становилось совсем поздно.

Помню, по вечерам в главной пещере отец с друзьями постоянно сетовали на нерешительность Крамы, но никто не осмеливался оспорить его власть. От отца Краме достался волшебный шлем Богини – большая металлическая штуковина с медными рогами. На голове у Крамы он смотрелся, как перевёрнутый котелок, но прежних хозяев исправно защищал от клинков и копий, и потому вождь никогда его не снимал. У шлема было своё особое имя, но мы звали его просто «Котелком».

Жизнь в Песчаном колодце была небогата событиями, зато мы ни в чём не знали нужды – и бояться нам было нечего. До того страшного дня.

Я бы хотел никогда о нём не вспоминать, но, кроме меня, рассказать некому.

После долгих мучительных раздумий Крама наконец решил, что нам нужно вырыть новую пещеру. Песчаная почва, в которой залегали наши жилища, всё время осыпалась, в старых норах начались обвалы. Работа предстояла немалая, и никому не позволяли прохлаждаться. Даже нас, крольчат, приспособили к делу: мы вытаскивали вёдра с землёй на поверхность и приносили копателям еду и питьё.

Почва была мягкой и глинистой, работа спорилась. И вот, спустя несколько дней, из новой пещеры донёсся крик – копатели что-то нашли. Помню, как мы с друзьями бросились туда в надежде увидеть горшки с золотом или сказочное сокровище. Но увидели нечто… нечто иное.

До сих пор – а ведь столько лет прошло! – при мысли об этом у меня шевелится шерсть на загривке.

Кусок металла, похожего на железо, торчал из земли, как огромный, изъеденный гнилью клык. Мы и раньше натыкались на железную руду. Нам было известно, что Богиня ненавидит этот металл и что кроликам нельзя с ним работать. Но то были маленькие обломки, размером с твою лапу, не больше. А кусок, который нашли копатели, мог высотой поспорить с самым рослым кроликом в норе. И кролик проиграл бы спор.

А ещё было в нём что-то неправильное, что-то плохое. Словно некая сила пульсировала в глубине породы, царапалась и хотела вырваться наружу. Злая, гадкая, отвратительная.

Обломок покрывали зазубрины и сколы, но сквозь неровную поверхность можно было разглядеть, как внутри что-то движется и извивается. Там мелькали шипы, рога и щупальца, а иногда даже глаза и рты.

Мы сразу почувствовали, что отрыли какое-то зло. Никто в этом не сомневался. Никто больше не хотел и шагу ступать в новую пещеру. Наша жрица запечатала нору заклинаниями, и мы попытались сделать вид, будто ничего не случилось. Но в ту ночь никому из нас не спалось.

А потом мы начали слышать звуки.

В глухой ночи из-под земли раздавались голоса. Одни принадлежали кроликам, другие – кому-то ещё. Иногда до нас доносились смех и пение, но слов не разобрали – мы не знали такого языка. А следом послышались удары молота.

С того дня наш вождь Крама больше не показывался при свете солнца.

Каждую ночь, когда кролики укладывались спать, он спускался со своими солдатами в новую пещеру. Та штука изменила их. Она рассказала, как ковать железо. Нашёптывала тёмные секреты и обещала запретные радости. Злой обломок металла похитил душу нашего вождя. Что он ему посулил? Власть, силу, богатства? Может, обменял его боязливость и осмотрительность на нечто иное?

Я знаю точно лишь одно: пока вождь ковал железо, оно перековывало его.

Бард прерывается и смотрит на крольчат – те заворожённо ловят каждое его слово. Теперь и старшие кролики отвлеклись от праздничного стола. Барда слушает вся пещера. Он откашливается и продолжает:

Миновала неделя, и стук молотков стих.

На следующий день Крама вновь предстал перед своими подданными. Как сейчас помню, то был праздник моря – день, когда мы чествовали Морскую богиню. Мы сидели в главной пещере, столы ломились от жареной макрели и пирогов с крабовым мясом. Это был последний раз, когда я ел рыбу.

Крама с солдатами вошёл в пещеру, и все закричали.

Медный котелок исчез с головы вождя, его место занял другой шлем – железный, с шипами. Словно в насмешку над шлемом богини, он тоже был увенчан рогами, но только несоразмерными, покорёженными. Крама будто раздался в плечах, и шаг его стал шире. Он больше не был Крамой Осторожным – нет, он стал злобным куском железа в обличье кролика.

Крама обратился к нам, и мы не узнали его голос – скрипучий, скрежещущий. В последующие годы я пытался вспомнить ту речь, но правда в том, что я не слушал его, а только смотрел: на железный боевой шлем на голове Крамы и на его глаза. Потому что теперь это были не глаза кролика, о нет. Глаза Крамы и его солдат стали красными, как ржавчина или засохшая кровь.

Некоторые кролики отказались подчиниться железному вождю. Среди несогласных были жрица и мой дядя. Солдаты схватили их и увели в глубь пещеры. Больше мы их не видели.

В ту ночь моя семья покинула Песчаный колодец. И мы были не единственными. Под покровом темноты мы бежали, спасая свои жизни, и остановились, только когда между нами и проклятой норой пролегли леса, реки и горы. Если ты читаешь эти строки и хочешь остаться в живых, то ради всего, что тебе дорого, при появлении Пожирал не медли – беги.

И куда бы ты ни пришёл, помни совет старого кролика, который умудрился за много лет сохранить свою шкуру целой: держи нору в тепле и сухости, но… не копай слишком глубоко.

Бард аккуратно складывает старый пергамент и убирает его в кошель. Крольчата не спешат нарушить молчание – они воображают, какая жуть таится под землёй, на которой они сидят. С другой стороны, пока эта жуть заперта в земле, бояться нечего – это же не злые ведьмы, которые бродят по лесу и могут заколдовать тебя и превратить в монстра. Бард внимательно смотрит на маленькую крольчишку. Та выглядит уже не такой напуганной – значит, можно продолжать, да и другим крольчатам уже не терпится.

– А медный котелок был таким же волшебным, как Звёздный коготь? Вождь Крама превратился в Скрамашанка? – Пёстрая крольчишка поднимает на сказителя огромные, как плошки, глаза, блестящие в свете факелов. Остальные крольчата кивают, им тоже хочется услышать ответ.

– Опять вопросы? А ты у нас любознательная! – Бард наклоняется и треплет крольчишку по ушам. – В стародавние времена, уже стёршиеся из кроличьей памяти, Богиня преподнесла двенадцати племенам волшебные дары. Кролики Песчаного колодца получили Котелок, а Звёздный коготь достался Манбери. Когда-то это было величайшее из племён!

– А нам что досталось? Что Богиня подарила Торнвуду?

Бард смеётся и подмигивает вождю Хьюберту, который закатывает глаза и отпивает из миски с реповым супом.

– Торнвуду немногим больше шестидесяти лет. В те дни, когда Пожиралы топтали окрестные леса и холмы, он был всего лишь дырой в земле. Они сюда даже не заглядывали.

– А где сейчас эти волшебные дары? Кому достался Звёздный коготь? Что случилось со шлемом, Пожиралы его уничтожили? И что получили остальные племена?

– Да, да! – вопят остальные крольчата. – Расскажи, куда делся Звёздный коготь? Кому он достался?

Бух! Бард с громким стуком опускает на стол деревянный кувшин, и крольчата подскакивают от неожиданности. Они попискивают и подрагивают от волнения, но бард смотрит на них суровым взглядом, и они потихоньку успокаиваются. Когда в зале воцаряется тишина – такая, что слышно, как в очаге трещат поленья, а вождь Хьюберт прихлебывает суп, – бард заговаривает снова:

– Помнится, вы мне кое-что пообещали. Ну, кто скажет, где мы остановились?

– Они убегали от Пожирал! – кричит один крольчонок.

– Подкин свалил на них дерево! – вопит другой.

– И оно раздавило их, как спелые вишни! Всюду была кровища! И глаза, и кишки, и мозги!

– Хорошо, хорошо, – останавливает разошедшихся крольчат бард. – Хватит с нас кровавых подробностей. Вернёмся к истории…

Глава пятая. Красноводная

Итак. Как вы любезно мне подсказали, кролики уронили дерево на двух Пожирал. Их останки вы тоже в красках расписали, спасибо большое.

Выждав несколько минут и убедившись, что пока им ничего не угрожает, крольчата устремились дальше в лес.

Солнце уже поднялось над горизонтом, и теперь шедшие на восток Подкин с Паз шагали ему навстречу. Под уставшими лапами хрустел снег, капли с сосулек падали кроликам за шиворот, заставляя дрожать от холода.

Вскоре они очутились на берегу узкой, скованной льдом реки. Паз, в отличие от брата, на уроках географии не зевала и сразу признала в ней Красную реку.

– Она течёт мимо норы Красноводной! Ты разве не помнишь?

Даже если Подкин что-то и помнил, к этому времени он так закоченел, что названия рек и деревьев смёрзлись у него в голове в кусок льда. Страх, что их настигнут Пожиралы, и восторг, вызванный волшебной силой Звёздного когтя, давно схлынули. Теперь Подкин больше всего на свете хотел лечь на мягкий пушистый снежок и проспать целую вечность. Но одна смутная мысль упорно билась в уголке его озябшего сознания: не сюда ли они каждый год приезжали на праздник Середины лета? Не здесь ли веселились с другими маленькими кроликами? И ели такой вкусный салат из листьев одуванчика с заправкой из морковного сока?.. Это Подкин помнил.

– Раньше здесь в-всё б-было п-по-другому? Н-не т-таким б-белым? – пробормотал он, стуча зубами.

Паз с тревогой посмотрела на брата и схватила его за лапу. Спотыкаясь и падая, они бежали по берегу реки, пока не наткнулись на мост, выгнувший дугой деревянную спину. По нему кролики перешли на другую сторону и дальше уже шагали через лес по заснеженной дороге. Она привела их к дубовым воротам, утопленным в склоне холма. Руны, вырезанные на столбиках, гласили, что за ними лежит нора Красноводная.

– Хвала Богине, – выдохнула Паз. На глаза у неё навернулись слёзы. Собрав последние силы, она постучала в ворота. Подкин мог только стоять рядом и дрожать, а малыш Пик слишком замёрз даже для этого.

Вскоре ворота заскрипели, и наружу высунулся рыжий кролик-привратник.

Паз и Подкин, может, и окоченели до полусмерти, но они уже бывали в Красноводной и помнили о знаменитом гостеприимстве местных обитателей. Все кролики на мили[5] окрест знали, что им не нужен был повод для веселья. Любого кролика, которого угораздило замешкаться на пороге Красноводной, буквально затаскивали внутрь и заставляли есть, петь и танцевать до упаду.

Вот почему Подкин и Паз изрядно удивились, наткнувшись на мрачный взгляд привратника. Уши его поникли, а глаза покраснели от усталости и недосыпа. Порванные кожаные доспехи давно не чистили, держались они кое-как и висели на стражнике, словно лохмотья на пугале. Если бы Подкин и Паз так не замёрзли, они обязательно задумались бы, почему такой хилый кролик несёт службу у ворот – и куда подевались настоящие стражники?

– Что вам нужно? – спросил кролик, хотя, судя по виду, ответ его мало заботил.

Паз нутром чуяла – что-то здесь не так, но слишком устала, чтобы слушать даже своё нутро, поэтому она откашлялась и сказала:

– Пожалуйста, помогите нам.

– Нас п-преследуют П-пожиралы, – добавил Под.

---

[5] *Миля* – мера для измерения расстояния. 1 миля равна 1,61 километра.

– С-суп? – едва слышно пискнул Пик, высунув дрожащий нос из туники Паз.

– Мы из Манбери, – воскликнула Паз. – Дети вождя Лопкина.

Глаза стражника расширились, и он захлопнул дверь. Подкин и Паз в отчаянии подумали, что их так и не пустят внутрь, но потом услышали, как стражник зовёт на помощь.

– Они же н-нас не п-прогонят? – спросил Подкин. От холода у него зуб на зуб не попадал.

– Не думаю, – покачала головой Паз. – Но что-то здесь нечисто. Лучше спрячь клинок.

Подкин тупо уставился на меч, словно недоумевая, откуда он взялся в лапе. Тогда Паз раздражённо выхватила у него Звёздный коготь, завернула в ткань и сунула под тунику – туда, где уже сидел Пик. Крольчонок возмущённо пискнул, но Паз только шикнула на него. Едва она успела спрятать меч, как дверь снова отворилась и крольчата увидели знакомую мордочку. Перед ними стояла леди Рыжетт, супруга вождя Красноводной.

Пусть мозги Подкина и превратились в глыбу льда, он не мог не заметить в ней страшной перемены. Ещё в прошлом году круглощёкая леди Рыжетт была воплощением жизнерадостности. Её мех блестел, смех звенел, а глаза сияли, как летнее солнце на водной глади.

Теперь же щёки её исхудали и обвисли, а между бровей залегла тревожная складка. Взгляд стал затравленным, глаза ввалились и покраснели, словно она пролила немало слёз. Когда она заговорила, голос её был добрым и приветливым, но от крольчат не укрылось, что эта радость напускная. Леди Рыжетт пыталась утаить от них какую-то печаль.

– Богиня, это же Паз и Подкин! Как вы выросли с прошлого лета. А тут кто у нас, неужели малыш Пик? Бедняжки, вы продрогли до костей. То, что стражник сказал о Пожиралах, – правда? Они вторглись в Манбери? Заходите, заходите скорее. Обещаю, тут вам нечего бояться.

Подкин чувствовал, что это неправильно, что нужно развернуться и бежать в скованный морозом лес. Но его ушей уже коснулся жаркий треск поленьев, а замёрзший нос учуял аромат

жареного пастернака и свежего хлеба. В тот миг возможность согреться и поесть была для Подкина важнее всего на свете, даже его собственной безопасности. Вы можете подумать, что это глупо, но легко рассуждать, когда под боком растопленный очаг, а в животе – горячий суп из репы. А вы попробуйте-ка целую ночь бегать от смертельной опасности по зимнему лесу! Да вы потом бешеному барсуку хвост отгрызёте за тёплую лежанку и миску похлёбки.

На самом деле, еда и тепло в тот момент и правда были важнее всего. Кролики не понимали этого, но ещё чуть-чуть – и они замёрзли бы насмерть. Если бы Подкин улёгся на снег, как ему хотелось, он бы уже не проснулся. Точнее, проснулся бы в Землях по ту сторону, откуда не возвращаются.

Поэтому дети зашли в Красноводную нору, совершив ошибку, о которой Подкин будет сожалеть до конца жизни…

Их провели в главную пещеру и усадили поближе к огню. Леди Красноводной отправилась «распорядиться насчёт комнат». Молчаливые слуги, едва слышно шурша, принесли гостям заправленный маслом пастернак и маленькие краюхи хлеба.

Как только Подкин немного отогрелся и кровь живее побежала по венам, лапы у него затряслись так, что он едва удержал тарелку. В конце концов он ухватил кусок пастернака. Тот ожёг ему горло и тяжело ухнул в желудок, но Подкин всё равно не мог припомнить ничего вкуснее.

Вскоре дрожь унялась, и Подкин принялся заглатывать пастернак не жуя. Он отрывал куски хлеба с такой жадностью, будто скитался по лесу не один день. Паз не отставала от брата. Даже Пик зашевелился и высунулся из туники. Глаза его блестели от голода.

– Кушать! Кушать! – требовал он, открывая рот, как галчонок. Паз сноровисто кормила его пастернаком с ложки.

Тело Подкина потихоньку оттаивало, а вместе с ним и разум. Наконец отвлёкшись от еды, он обратил внимание, что в пещере темно и сыро. Углы затянула густая паутина, огонь едва горел. В очаге громоздились горы пепла, словно его не чистили уже много месяцев.

Подкин окинул взглядом столы и лавки, вспоминая праздник Середины лета, когда в зале было не протолкнуться от пирующих. Теперь здесь почти не осталось мебели. Вон те стулья явно чинили на скорую руку, а спинку этой скамьи, кажется, разрубили топором…

И еда… Жёсткий пастернак и подгоревший хлеб из серой муки – никакого сравнения с угощением, которое подавали в Красноводной в прежние времена. После прошлогоднего праздника Подкину ещё долго снилась огромная морковь, фаршированная брюквой и печёной репой. Когда морковь разре́зали с одного бока, начинка так и посыпалась! Вот угощение, достойное Красноводной, а не этот скудный, наскоро сготовленный обед…

Подкин уже не мог остановиться – глаза его подмечали всё больше и больше подозрительных деталей. Откуда на земляной стене взялись эти полукруглые вмятины? Вроде бы раньше их там не было… А это что за высохшие красные пятна на полу?

И главное, куда запропастились дети? Дети вождя, с которыми Подкин играл в прятки и «обмани крольчонка» с тех самых пор, как научился ходить? Шумные, задорные, они были под стать остальным кроликам Красноводной. Пусть сейчас в пещере их нет, но где-то же они должны скакать и веселиться? Почему не слышно радостных криков? В конце концов, на дворе утро Куманельника. Маленьким кроликам надлежит толпиться в главном зале и хвастаться подарками, которые принёс им Полночный кролик. Во всяком случае, в Манбери утро Куманельника только так и проходило.

«А я мечтал о деревянных солдатиках», – с горечью подумал Подкин. Интересно, Полночный кролик всё-таки оставил их возле его пустой кровати – или, прознав о Пожиралах, предпочёл обойти Манбери стороной? Теперь это казалось неважным, хотя в последние недели подарки занимали все мысли Подкина. «Как быстро может измениться твоя жизнь.»

– Паз, – шёпотом окликнул он сестру. – Как думаешь, где Руфус и Расти? Почему они не пришли с нами поздороваться? Неужели леди Рыжетт им не сказала?

Паз кивнула. Её глаза метались по залу, подмечая то же, на что обратил внимание Подкин. Но больше всего крольчишку заинтересовала металлическая статуя, которой она не видела раньше. Высокий железный пьедестал вырастал прямо из пола пещеры. А на нём стояла не обычная скульптура, а бесформенное, перекрученное месиво, словно кто-то взял кусок железа, кое-как скомкал и оставил. «Зачем в Красноводной железная статуя?» – изумлённо подумала Паз. Все же знают, Богиня ненавидит этот металл. Отчего-то при взгляде на статую шерсть у Паз на загривке вставала дыбом. Увы, она слишком замёрзла и вымоталась за эту бесконечную ночь, и потому не сразу сообразила, что не так.

Наконец её осенило.

Пожиралы.

Она хотела сказать Подкину, но не успела – двое слуг внесли в пещеру большой сундук, на который было накинуто плотное покрывало. Кролики старались держаться в тени и шли, низко опустив головы. От Паз не укрылись нервные взгляды, которые они бросали на гостей. Пройдя через пещеру, слуги направились к главным воротам. Когда они исчезли из виду, Паз шёпотом спросила у Подкина:

– Как думаешь, что они несли?

Тот собирался пожать плечами, как вдруг из коридора послышалось приглушённое карканье. Неужели в сундуке сидела птица? Они уже слышали этот звук, причём совсем недавно. Подкин с Паз переглянулись – им в голову пришла одна и та же мысль.

Это был не сундук, а клетка. Клетка, в которой сидела перекованная ворона – шпионка Пожирал. Нашпигованная железом птица с мёртвыми глазами и ржавыми перьями.

Птица, статуя, опустевшая, словно вымершая нора, – внезапно все кусочки мозаики сложились воедино.

– Они прислужники Пожирал! – прошипел Подкин. – И хотят сообщить им, что мы здесь!

Должно быть, Пожиралы захватили Красноводную прежде, чем напали на Манбери. Вождя Рыжетта и стражников убили, а остальных кроликов обратили в рабство. Что до детей… Подкин отогнал от себя тягостную мысль. Лишённая сердца и души, нора медленно умирала. Из всех мест, где можно было искать спасения, они с Паз выбрали самое гиблое.

– Нужно выбираться отсюда! – воскликнула Паз, но Подкин уже вскочил и пустился бежать. Паз подхватила Пика и бросилась за братом, как вдруг краем глаза заметила, что с железной статуей творится что-то странное. Внутри застывшего месива что-то извивалось и толкалось, подобно жирному угрю, застрявшему в грязной луже на мелководье. Как такое вообще возможно? Паз моргнула, силясь отогнать наваждение. А в следующую секунду статуя пробудилась и завыла скрипучим воем, который становился всё громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.